
АНТОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

РОЖДЕНИЕ РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА (отрывок из книги «Благосостояние для всех»)

Л. Эрхард¹

Каково же было исходное положение, когда 2 марта 1948 года я был избран директором Хозяйственного управления в Экономическом совете Объединенной экономической зоны во Франкфурте? Этот период перед денежной реформой я охарактеризовал, много лет спустя, в моем выступлении в Антверпене 31 мая 1954 г.:

«Это было время, когда большинство людей не хотело верить, что опыт валютной и экономической реформы может удался. Это было то время, когда мы в Германии занимались вычислениями, согласно которым на душу населения приходилось раз в пять лет по одной тарелке, раз в двенадцать лет – пара ботинок, раз в пятьдесят лет – по одному костюму. Мы вычисляли, что только каждый пятый младенец может быть завернут в собственные пеленки, и что лишь каждый третий немец мог надеяться на то, что он будет похоронен в собственном гробу. Последнее казалось действительно тем единственным, на что мы еще могли надеяться. Мысль о том, что на основании подсчетов сырья и при помощи других статистических данных можно определять судьбу народа на многие годы вперед, свидетельствовала лишь о бесконечной наивности и ослепленности тех, кто был рабом экономического планирования. Эти сторонники механистичности и дирижизма не имели ни малейшего пред-

---

¹ Людвиг Эрхард (1897-1977) – западногерманский экономист и государственный деятель. Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг.

ставления о том прорыве динамической силы, который должен был проявиться у народа, как только он смог заново осознать свое собственное достоинство и высокую ценность свободы».

Я неизбежно испортил бы читателю настроение, если стал бы дотошно воссоздавать картину положения до валютной реформы. Поэтому я ограничусь лишь несколькими указаниями для уяснения нашего исходного положения. Первый индустриальный план, который был выработан на основании Потсдамских решений от 2 августа 1945 г., стремился свести объем немецкой промышленности к уровню, который составил бы всего 50–55% уровня 1938 г., или примерно 65% уровня 1936 г., притом для оценки этого плана следует еще учесть, что количество населения тем временем значительно возросло за счет потока беженцев. Но этот план не смог быть осуществлен уже потому, что оказалось невозможным создать экономическое единство Германии.

Второй промышленный план, который был введен английским и американским военными управлениями для их зон оккупации 29 августа 1947 г., давал так называемой двойной зоне право восстанавливать свою промышленность в полном объеме 1936 г., но и этот план был связан с различными, касающимися частностей, ограничениями. Но тем временем производственная мощность промышленности, которой мы могли еще располагать, упала настолько, что составляла лишь 60% ее мощности 1936 г.

Инфляция при замороженных ценах парализует экономику

И действительно, общая промышленная продукция Объединенной экономической области достигла в 1947 г. лишь 36% ее объема в 1936 г. Эту мрачную картину можно было наблюдать также и по отдельным секторам хозяйства. Достаточно себе представить, к примеру, что в свое время текстильное производство составляло лишь одну седьмую сегодняшней продукции.

Несостоятельность попытки остановить в послевоенные годы инфляцию путем замораживания цен и направляемого хозяйства становилась все более очевидной. Инфляция была вызвана теми в высшей степени сомнительными методами, при помощи которых проводилось финансирование военной промышленности с 1933 до 1939 г., а также военными расходами, которые обошлись примерно в 560 миллиардов рейхсмарок. Мы переживали явление инфляции при замороженных ценах. Всякое административное управление хозяйственной жизнью становилось невозможным ввиду переизбытка денежных знаков. Товарообмен осуществлялся, минуя обычно нормальный путь регулярной оптовой и розничной торговли. Все увеличивающиеся запасы товаров задерживались заводами для хранения на складах, поскольку они не могли служить – путем обмена («компенсации») – дальнейшему поддержанию сокращенного в своем объеме производства. Мы вернулись к состоянию

примитивного натурального обмена. Общий индекс производства (не считая строительства) достигал в первом полугодии 1948 г. лишь примерно 50% производства 1936 г. Это дало повод проф. Репке заявить в начале 1948 г., что Германия уничтожена и приведена в хаотическое состояние в такой степени, что никто, не будучи очевидцем происходящего, не может себе этого представить.

**Промышленное производство
Объединенной экономической области (1936 г. = 100)**

	1946 г.	1947 г.
Вся промышленность	33	39
Уголь	51	65
Железо и сталь	21	25
Цветные металлы	18	24
Химические продукты	43	43
Нерудные ископаемые	31	33
Транспортные средства	17	19
Электротехника	36	65
Точная механика и оптика	30	30
Текстильные изделия	20	28
Кожа и обувь	26	27
Каучуковые изделия	34	40
Целлюлоза и бумага	20	21

И с т о ч н и к : «Экономическое управление», издание Экономического управления Объединенной экономической области, июнь 1948 г.

Естественно, что подобный разгром вызвал оживленный спор о методах, при помощи которых следовало преодолеть возникший хаос. В этом споре проявилось все, что угодно, кроме пресловутого единения, о котором принято говорить, что в нем заключается сила. В Западной Германии шла ожесточенная борьба между сторонниками планового и свободного рыночного хозяйства, приковывавшая внимание не только немцев, но и западных союзников. Одна из следующих глав этой книги «Рыночное хозяйство побеждает плановое хозяйство» дает представление о ходе этой борьбы. Немецкие сторонники планового хозяйства склонялись в данных условиях к тесному сотрудничеству с оккупационными властями британской оккупационной зоны, которые должны были следовать указаниям тогдашнего лейбористского правительства, переживавшего в то время расцвет своих экспериментов в области планового

хозяйства. Либеральные же политики Западной Германии скорее тяготели к «американцам». Поэтому отнюдь не случайно, что Виктор Агартц руководил в Миндене Центральным управлением хозяйства, в то время как я принял, по специальному желанию американских оккупационных властей, должность министра хозяйства в созданном в октябре 1945 г. баварском правительстве.

Исключительно благоприятная возможность

В середине 1948 г. немцам представилась, наконец, исключительно благоприятная возможность – увязать валютную реформу с решительной реформой всего хозяйства, прекратить бессмысленное перенапряжение человеческих сил, которое было вызвано хозяйственным администрированием, чуждым пониманию реальной действительности. Эта система, одинаково вредная как для промышленности, так и для каждого потребителя, заслуживала лишь того, что быть бесславно похороненной. Лишь немногие еще сознают сегодня, сколько потребовалось мужества и готовности принять на себя ответственность, чтобы сделать этот шаг. Некоторое время спустя двумя французами – Жаком Рюефф и Андрэ Пьетр – об этом единстве хозяйственной и валютной реформы было высказано следующее суждение:

«С совершенной неожиданностью исчез черный рынок. Витрины были забиты товарами, дымились фабричные трубы и улицы были заполнены грузовиками. Вместо мертвой тишины развалин повсюду раздавался шум стройки. Уже размер восстановления вызывал удивление, но еще большее удивление вызывала его неожиданность. Это восстановление началось во всех отраслях хозяйственной жизни точно в день валютной реформы. Только очевидцы могут рассказать о том мгновенном действии, которое оказала валютная реформа на заполнение складов и богатство витрин. Со дня на день стали наполняться товарами магазины и возобновлять работу заводы. Еще накануне немцы бегали бесцельно по городу, чтобы разыскать дополнительно какие-нибудь жалкие продукты питания. А на следующий день мысли их уже концентрировались лишь на том, чтобы заняться производством этих продуктов питания. Накануне на лицах немцев была написана безнадежность, на следующий день целая нация с надеждой смотрела в будущее». (*Из книги «Хозяйство без чудес» – «Wirtschaft ohne Wonder», 1953, Eugen-Rentsch-Verlag, Erlenbach/Zurich*).

В самом деле, введение рыночного хозяйства в Германии, это почти единственное в своем роде историческое событие, было осуществлено при помощи нескольких немногих законов и ценой бескомпромиссной решимости. Воля к созданию чего-то совершенно нового нашла свое выражение в «Вестнике законов и распоряжений Экономического совета Объединенной хозяйственной зоны» от 7 июля 1948 г. На плохой, ныне уже пожелтевшей бумаге «до-реформенного» качества был отпечатан «Закон о принципах хозяйственной структуры и политике цен после валютной реформы» от 24 июля 1948 г. Этот

закон давал директору Хозяйственного управления право одним махом выбросить в мусорный ящик сотни всяких предписаний, которые регулировали экономическую жизнь и цены. Мне было поручено, в рамках указанных принципов, «провести необходимые мероприятия в области экономической жизни» и «определить в отдельности те товары и те виды труда, которые следует освободить от действия предписаний по регламентации цен». Для меня это означало: как можно скорее устранить возможно большее количество предписаний по регламентации народного хозяйства и цен.

Уже на следующий день было опубликовано «Распоряжение, касающееся образования цен и контроля цен после валютной реформы», в связи с чем десятки предписаний, регулировавших цены, потеряли свою силу. При этом мы прибегли к единственно возможному методу – мы отказались от перечисления всего того, что теряло силу, и точно обозначили лишь все то, что еще должно было оставаться в силе. Таким образом, был сделан огромный шаг в направлении к цели, которой является освобождение хозяйства от непосредственного воздействия бюрократии. Выступая на партийном съезде Христианско-демократического союза британской зоны в Реклингхаузене 28 августа 1948 г., я пояснил эти мероприятия следующими словами:

«Дело совсем не обстояло так, что поступая разумно, мы располагали возможностью свободного решения. То, что мы должны были сделать при тогдашних условиях, это – снять оковы. Мы должны были быть готовы к этому, чтобы наконец снова возродить нравственные принципы в нашем народе и положить начало оздоровлению нашего общественного хозяйства.

Тот поворот в экономической политике, который был совершен переходом от принудительно-направляемого хозяйства к рыночному, означает много больше, чем экономическое мероприятие в узком смысле этого слова. Нет, мы поставили нашу общественно-экономическую и социальную жизнь на новые основания и указали ей путь вперед. Мы должны были отречься от нетерпимости, которая через духовную несвободу ведет к тирании и тоталитаризму. Мы должны были прийти к такому порядку, при котором устремленность к целому была бы осмысленной, органической, основывалась бы на добровольном подчинении и руководилась сознанием ответственности».

Широкая общественность так никогда полностью и не осознала, что разыгрывалось за кулисами этого перехода к свободному рыночному хозяйству. Приведу лишь один пример: строгие предписания американских и английских контрольных инстанций предусматривали необходимость предварительного разрешения для каждого изменения предписаний, касающихся цен. Союзники, правда, не учли того, что кому-нибудь может придти в голову не изменить, а отменить распоряжения, регулирующие цены. Союзники не ожидали, что немец сможет проявить столько смелости через столь короткий срок после окончания войны, – это не укладывалось в категории мышления оккупационного управления вскоре после одержанной полной победы. Мне помогло то,

что генерал Клей, пожалуй, самая сильная личность среди членов Верховной комиссии, поддерживал меня и прикрывал своим авторитетом мои распоряжения. Ценообразование немецких потребительских товаров и важнейших продуктов питания было таким образом изъято из-под контроля союзников. Правда, этот первый успех еще не означал, что в дальнейшем союзники откажутся от попытки оказать влияние на восстановление немецкой экономики согласно их представлениям. Именно в последующее время один конфликт сменял другой. Расхождения касались демонтажей, сокращения налогов, свободы промыслов, ценообразования при перепродаже, устройства профессиональных центров, реорганизации по-новому нашей внешнеторговой политики и т.п.

Эти критические замечания, однако, не могут и не должны умалить то чувство благодарности, которое испытывает федеральное правительство и весь немецкий народ к США и его гражданам за помощь по плану Маршалла. Эта широкая и даже великодушная помощь, оказанная в рамках плана Маршалла и смежных с ним программ, превысила за время с апреля 1948 г. по конец 1954 г. сумму в полтора миллиарда долларов. К этому следует прибавить те существенные поставки, которые мы получали еще до начала плана Маршалла из средств GARIOA и размер которых с 1946 по 1950 г. выражается в сумме в 1, 2 миллиарда долларов.

Всеобщая забастовка против рыночного хозяйства

В истории немецкой экономики одной из самых драматических эпох было в особенности второе полугодие 1948 г. Происходила борьба между идеей освобождения рыночного хозяйства и упорствующими силами принудительно-направляемого хозяйства. Правда, некоторые обстоятельства экономического положения и не способствовали тому, чтобы вызвать решительное и безусловное доверие к правильности такого прорыва к экономической свободе. В первые месяцы после реформы индекс цен повсеместно значительно возрос. Почти бесполезно было повторно напоминать, что несмотря на то, что 18 июня 1948 г. и существовали официально установленные сравнительно низкие цены, но товаров по этим ценам тогда не было, и что ныне уплачиваемые цены в немецких марках представляли собой лишь незначительную долю размера соответственных цен в рейхсмарках, которые уплачивались на черном рынке в месяцы перед валютной реформой.

Самой важной задачей было не дать себя смутить этой бурной неразберихой и остаться твердым даже тогда, когда профсоюзы призвали – 12 ноября 1948 г. – ко всеобщей забастовке, чтобы при помощи такой решительной меры покончить со свободным рыночным хозяйством. В Экономическом совете царило смятение. Почти во всех письменных столах Хозяйственного управления – руководитель которого так решительно боролся против направляемого

го хозяйства и предписанных цен – тайком лежали наготове новые варианты только что отмененных распоряжений. Само Хозяйственное управление усомнилось в правильности положений, которые защищал его руководитель.

В конце августа 1948 г. я заявил следующее:

«Я остаюсь при своем мнении, и будущее покажет, что я был прав. Маятник цен сейчас повсюду нарушил границы нравственного и допустимого. Это произошло под давлением факторов, которые увеличивают себестоимость продукции, и под влиянием опьянения, вызванного теми деньгами, которые были выданы на каждого человека при валютной реформе в обмен на старые деньги. Но скоро наступит время, когда конкуренция заставит цены вернуться в нормальное состояние, – а именно, к тому, которое обеспечивает наилучшее взаимоотношение между заработками и ценами, между номинальным доходом и уровнем цен».

Казалось, что мое тогдашнее заявление совершенно не соответствовало положению вещей, и я получил репутацию неисправимого оптимиста. Когда же несколько месяцев спустя факты доказали, что я был прав, – меня «произвели» в современного экономического пророка.

Оправдало ли развитие жизни то, что я предвидел?

После реформы казалось, что наша экономика столкнулась с такой готовностью покупателя к потреблению, которая, казалось, никогда не кончится, – царило поистине безграничное желание восстановить утраченное. Столь же сильной была потребность восстановить и восполнить утраченное и недостающее и во всех отраслях хозяйства. В жилищном строительстве накопились требования, которые, казалось, невозможно будет удовлетворить, принимая во внимание военные разоружения, а также необходимость разместить восемь миллионов беженцев. Если в первые дни после валютной реформы казалось, что спрос и предложение взаимно выравнены, то очень скоро эта картина изменилась. Припрятывание товаров, нравственно предосудительное, о котором так много говорилось, в кратчайший срок отошло в прошлое. Как для предпринимателя, так и для потребителя деньги снова приобрели свое прежнее значение. В этом отношении оказалось правильным, что снабжение предприятий деньгами было подвержено сознательному ограничению. Торгово-промышленные предприятия были вынуждены спешно предлагать покупателю текущую продукцию и ликвидировать имевшиеся на складах товары.

Борьба за крепкие нервы

Все больше разрасталось тогда возмущение против припрятывания товаров, которое уже стало для всех очевидным, хотя вдумчивые люди давно уже знали об этом. И нужно было иметь некоторое мужество для того, чтобы высказать то, что экономически было разумно:

«Вы знаете, что меня упрекают в том, будто я – “ангел–хранитель” тех, кто припрятывает товары. Подобная клевета меня не затрагивает. Припрятывание, как индивидуальное мероприятие, вызывает мое презрение. Но я считаю себя обязанным указать на то, что радикальное опустошение складов нашей экономики с необходимостью привело бы к тому, что освобожденная валютной реформой покупательная способность натолкнулась бы на пустоту. В таком случае валютная реформа с первого же дня оказалась бы обреченной на провал или нам пришлось бы снова закабалить народ под проклятие экономической бюрократии с помощью государственного направляемого хозяйства и устанавливаемых государством цен. Ведь необходимо учесть, что «припрятывание» как таковое, то есть как явление народного хозяйства, было неизбежным феноменом в проведении самой валютной реформы, с которым надо было считаться, когда мы ее задумывали. Нечестно возмущаться, когда нам доподлинно известно, что если бы у нас не было этих запасов в результате “припрятывания”, то всей валютной реформе, быть может, суждено бы было провалиться».

Трудности имели ясно различимую причину. Текущие заработки, как и те деньги, которые были выданы при реформе на каждого человека, так и сбережения, которые были переведены из рейхсмарок в немецкие марки (последние две суммы вместе достигали 3,5 миллиардов нем. марок) – все это хлынуло немедленно и исключительно в потребление. Безвременно умерший в 1950 г. близкий мой сотрудник Леонхард Микш отмечал в октябре 1948 г., что для наступившего после валютной реформы развития характерно значительное увеличение количества денег, на которое немецкие инстанции не имели никакого влияния. Вот что он писал:

«Пора обратить внимание общественности на этот факт, который находится в резком противоречии с ожиданием решительного оздоровления, купленного исключительно тяжелыми жертвами тех, кто делал сбережения. Если после стабилизации 1923 г. в течение ближайших месяцев общее денежное обращение возросло примерно на 90% – с 1488 миллионов на 30 ноября до 2824 миллиона на 31 марта 1924 года – то в 1948 г. оно возросло за три с половиной месяца – 30 июня по 15 октября – на 156%: с 2174 миллиона на 5560 миллионов» [2].

Количество денежных знаков, бывших в обращении, возросло к 31 декабря 1948 г. даже до 6,641 млрд марок (включая Берлин). Естественным последствием такой текучести денег было то, что спрос должен был расти быстрее предложения – тем более, что ввиду недостатка импортного сырья предложение не было еще достаточно гибким. К тому же с возрастающей текучестью средств побуждение ликвидировать запасы складов уже не было столь велико. Даже то обстоятельство, что освобождения хозяйства было достаточно для того, чтобы производство возросло с середины до конца 1948 г. в среднем на

50% – это само по себе уже удивительный успех рыночного хозяйства – не могло помешать тому, что цены осенью 1948 г. поднялись довольно сильно.

Многие поэтому склонялись к тому, чтобы отречься от тех свобод, которые мы себе незадолго перед тем снова завоевали. На такой соблазн можно было ответить лишь следующим образом:

«Или мы потеряем нервы и поддадимся злобной, демагогической критике и тогда мы снова окажемся в состоянии рабства. Тогда немцы снова потеряют свободу, которую мы им столь счастливым образом вернули, тогда мы снова вернемся к централизованному экономическому планированию, которое постепенно, но неотвратимо приведет нас к принудительной хозяйственной системе, к хозяйству бюрократических учреждений и, наконец, к тоталитаризму» [1].

Развитие цен, действительно, внушало беспокойство. К концу года все цены, сравнительно с июнем 1948 г., значительно возросли.

Общий индекс цен промышленных товаров
Стоимость жизни (1938 = 100)

1948	(1949 = 100)	Питание	Одежда	Хоз. принадлежности	Отопление и освещение
Июнь	91	142	201	189	105
Сентябрь	101	147	244	202	115
Декабрь	104	168	271	211	119

И с т о ч н и к : Федеральное статистическое бюро.

Но, как часто бывает в экономике, то, что было непопулярно, а в данном случае даже то, что было отрицательным в социальном отношении, имело, с точки зрения экономической, свою положительную сторону. Весьма возможно, что эти исправления цен частично превысили меру необходимого в смысле приспособления к изменившейся себестоимости – в результате чего производители, естественно, получили значительный доход. Это вызвало раздражение и привело к искажению в оценке социальной перспективы. Но эти доходы были лишь в самой незначительной доле использованы на личные нужды производителей – они заменили капитал, который должны были бы дать новые сбережения и который в то время еще не мог быть полностью реализован. Капитал же из старых сбережений был в весьма значительной степени уничтожен валютной реформой. Можно, конечно, критиковать такой способ капиталообразования, но в свое время он послужил фундаментом для воссоздания потерянных или уничтоженных капитальных ценностей.

Ложный курс в налоговой политике

Вынужденность такого развития все же привела к тому, что в этот первый период после реформы продукция смогла значительно возрасти и что население могло поместить свой возрастающий доход в товары. Эта необходимость инвестировать средства, которая проводилась через соответствующее установление цен, нашло свое отражение и в налоговой политике. Вместо действительного снижения налогов закон военного управления за № 64 от 20 июня 1948 г. предусматривал относительно широкие возможности списывать налоги и пользоваться целым рядом других послаблений.

Когда налоговая политика снова была передана в немецкие руки, это общее направление налогового законодательства было сохранено. Постоянно выдвигались новые мероприятия, которые должны были побудить людей к участию в капиталовложениях. Законодательство стремилось также побудить людей к сверхурочной работе – заработок за сверхурочную работу оставался свободным от налогового обложения. Эти мероприятия представляли собой прекрасное добавление к тому радостному чувству, которое люди, наконец, снова стали испытывать при мысли о работе, так как вознаграждение, которое они получали за свой труд, давало им возможность приобрести что-то реальное и устраивать жизнь свободно, по своему желанию.

Достаточно просмотреть статистику, показывающую, по категории рабочих в промышленности, количество рабочих часов за неделю, чтобы убедиться в последствиях происшедших перемен. Появившаяся вновь радость труда очень скоро привела к удлинению рабочего времени – лишь совсем недавно мы отметили некоторую тенденцию к его сокращению. За период с 1949 г. производительность экономики выросла более чем на 60%, что позволило приступить к сокращению рабочего времени, которое, несомненно, желательно с социальной точки зрения. Но такое сокращение должно происходить спокойно и постепенно, чтобы с этой стороны не возникло угрозы для общего показателя продуктивности народного хозяйства и для стабильности валюты.

Казалось бы, что здесь налоговая политика является правильным восполнением всей системы экономики. Но в действительности развитие налогового законодательства пошло по пути, который в дальнейшем нередко приводил и к конфликтам с экономической политикой: иными словами, налоговая система подчас становилась средством, при помощи которого государство часто предоставляло преимущества и льготы или же которым оно пользовалось нежелательным образом, чтобы оказать влияние на экономику.

Возвращаясь еще к вопросу о повышении цен, нужно отметить, что значительную опасность для того времени представляло собой сокрытие денег. Количество денег, находившихся в обращении, все время пополнялось из непрекращающегося потока государственных денежных выпусков. После 8 августа 1948 г. был отменен, ощущавшийся как очень тягостный, запрет предо-

ставления кредитов из текущих банковских счетов, благодаря чему краткосрочный банковский кредит снова получил возрастающее значение.

**Недельное рабочее время
(выражено в часах, работа в шахтах не принята в расчет)**

Год	Мужчины	Женщины	Все рабочие промышленности
1947	39,8	36,1	39,1
1948	43,0	40,0	42,4
1949	47,3	43,8	46,5
1950	49,1	45,5	48,2
1950	49,0	45,2	48,0
1952	48,5	44,7	47,5
1954	49,5	45,9	48,6
1956	49,0	45,5	48,0

И с т о ч н и к : Федеральное статистическое бюро. Цифры, включая первые данные за 1950 г., относятся к Объединенной экономической зоне, начиная со вторых показателей за 1950 г. – ко всей территории Германской Федеративной Республики.

Это указание не носит характера критики, ибо необходимость этих мероприятий для народного хозяйства стала несомненной. Таким путем объем кредитов тем временем возрос с 1,4 миллиарда в конце июля 1948 г. до 3,8 миллиарда в конце октября и до 4,7 миллиарда немецких марок к концу года. В течение последующего года краткосрочные ссуды возросли еще на 5,1 миллиарда. Открывшаяся возможность получения кредитов способствовала, естественно, тому, что появилось желание придерживать товары на складах, так как частным предприятиям это казалось выгодным в связи с намечавшимся повышением цен. Такой была ситуация осенью 1948 г., и она была далеко неблагоприятной.

Цены понижаются

Оптимизм, над которым сначала смеялись, оказался, однако, вполне оправданным реализмом: в первом полугодии 1950 г. уровень цен в розничной торговле был на 10,6% ниже, чем в первом полугодии 1949 г. В силу этого Западная Германия перестала принадлежать к числу тех государств, которые, казалось бы, примирились с политикой беспрерывно растущих цен. Сравнение международных данных о дальнейших изменениях в стоимости жизни показывает, что эту «твердую» политику можно было продолжать и в после-

дующие годы (1954–1956 гг.), несмотря на вызванный корейской войной кризис и высокую конъюнктуру:

Индекс стоимости жизни (1950 = 100)

	ГФР	Норв.	Швец.	Великобр.	Франц.	Итал.	США	Швейц.	Нидерл
Средняя за 1952 г.	110	126	125	119	131	114	110	108	101
Средняя за 1956 г.	113	141	138	137	133	129	113	110	108
Июнь 1957 г.	115	145	144	142	134	131	117	112	120

И с т о ч н и к : Федеральное статистическое бюро.

Совершенно очевидно, что экономическая политика взяла тогда курс, влияние которого явно ощущается по сей день. Наряду с преимущественно положительными последствиями, он оказал также влияние на изредка появлявшиеся переизбытки платежных балансов. Но каким образом осуществился этот поворот, многим казавшийся сенсационным, основы и начала которого были заложены той политикой, которая была принята на стыке 1948–1949 гг.?

Существенным элементом стабилизации была, несомненно, политика в области зарплаты; эта политика первоначально – несмотря на значительную еще безработицу – не следовала по пути, по которому шло повышение цен. Ограничение зарплаты оставалось еще в силе, хотя этот принцип и несовместим со свободным рыночным хозяйством. Вполне последовательно было поэтому издание закона об отмене ограничений зарплаты от 3 ноября 1948 г. Лишь благодаря этому закону профсоюзы снова получили свободу действия. Между прочим, и это было бы немислимо, если последовательная отмена направляемого хозяйства не имела бы места.

Политика в области заработной платы, которую проводили профсоюзы, была относительно сдержанной, несомненно, также в силу того, что попытка сорвать и ликвидировать новую экономическую политику путем всеобщей забастовки 12 ноября 1948 г. полностью провалилась. В этот день общественное мнение дало понять руководству профсоюзов, что последнее находится на ложном пути, пытаясь вести непримиримую борьбу со свободным рыночным хозяйством.

Трудящиеся уже поняли, разобравшись в сложности происходившего, в сколь сильной степени начавшееся тогда развитие, несмотря на некоторые тягостные затруднения, все же в конечном итоге идет им на пользу.

Все обвиняют друг друга

Нужно признать, однако, что не одни только профсоюзы в то время выступали с резкой критикой. Достаточно заглянуть в газеты того времени, чтобы убедиться в этом. Страну как бы захлестывал пессимизм. Вот всего несколько газетных заголовков в качестве примера: «Цены невозможно догнать». «Эрхард исчерпал свою мудрость». «Хаотическая картина цен». «Специалисты-экономисты – за возврат к направляемому хозяйству» и т.п.

Быть может, еще более опасным было то положение, что даже в среде самих участников хозяйственной жизни начались взаимные обвинения. Каждый пытался приписать вину своему партнеру – промышленность обвиняла торговлю, торговля – промышленность, городские жители обвиняли сельское население и наоборот. Тут могла быть только одна линия поведения – во что бы то ни стало оставаться стойким! Эту исключительную историческую ситуацию стоит запечатлеть, ибо на основании всего опыта можно по справедливости утверждать, что ни одно правительство и ни один парламент позже не смогли бы проявить необходимую выдержку, чтобы ввести и сохранить систему свободного рыночного хозяйства.

Тем временем заработная плата всех рабочих за один рабочий час поднялась с 0,99 нем. марок в июне 1948 г. до 1,13 нем. марок в декабре 1948 г. Это было, конечно, значительное повышение, но оно не выходило за рамки общего повышения производительности. Ни на каких других соотношениях нельзя более убедительно показать все благотворное действие реформы, как на росте продукции за один рабочий час. Показатели производства поднялись с 62,8% (базис 1936 г.) в июне 1948 г. до 72,8% в декабре и до 80,6% в июне 1949 г. – то есть примерно на 30% в течение одного года с момента начала валютной реформы (см. таблицу).

Валютная и экономическая реформы повышают продуктивность

Поздней осенью 1948 г. Банк немецких земель посчитал возможным применить впервые традиционные мероприятия эмиссионных банков. Банк одновременно повысил минимальный резерв с 10 до 15% и ограничил переучет теми случаями, когда банковский акцепт служил финансированию внешней торговли или закупке сырья, или же когда это было необходимо в порядке следования установленной правительством продовольственной политике. В ходе этих мероприятий, начавшихся 1 декабря 1948 г., кредитным учреждениям было предложено сократить объем кредитов по возможности до того размера, который они имели в конце октября 1948 г.

**Показатель продукции за рабочий час
1936 = 100**

1948*	
Июнь	= 62,8
Сентябрь	= 72,4
Декабрь	= 72,8
1949	
Март	= 78,5
Июнь	= 80,6
Сентябрь	= 82,1
Декабрь	= 82,7
1950	
Март	= 87,7
Июнь	= 90,0
Сентябрь	= 98,0
Декабрь	= 93,6
1951	
Март	= 100,2
1950 = 100	ежегодный прирост
1949 = 90,3	
1950 = 100,0	+ 10,7%
1951 = 108,2	+ 8,2%
1952 = 112,3	+ 3,8%
1953 = 119,2	+ 6,1%
1954 = 126,0	+ 5,7%
1955 = 133,8	+ 6,2%
1956 = 139,1	+ 4,0%

* Только британская и американская зоны.

И с т о ч н и к и : Федеральное правительство и Федеральное статистическое бюро.

Кроме этих мероприятий Банка немецких земель, сдерживающее влияние стали проявлять также еще и другие факторы: в связи с выплатой в конце сентября 1948 г. причитающейся на душу населения второй квоты новых денег (немецких марок) кончился приток денег, выпускаемых в порядке финансового суверенитета государства. Переключение старых вкладов в рейхсмарках за-

кончилось к концу года. Новое обстоятельство в то время оказало нам помощь (оно и до сих пор занимает наше внимание): официальные государственные бюджеты впервые могли показать в последнем квартале 1948 г. некоторые излишки, что имело положительные последствия в смысле противодействия инфляционным тенденциям.

Из того духа свободы, который нашел свое наиболее ясное выражение в отказе от принудительно-направляемого хозяйства, родилось также и стремление привести в порядок государственный бюджет путем систематического сокращения расходов. 28 июня было издано постановление об обеспечении валюты, упрочении государственных и общественных финансов. Согласно этому постановлению администрации было запрещено набирать новых служащих и повышать оклады, служебные поездки были сведены до минимума. Это распоряжение, несомненно, отражало благие намерения, но нужно сказать, что его предписания были осуществлены только в Хозяйственном управлении, которое в то время обслуживалось весьма многочисленным персоналом. Когда я принял руководство Хозяйственным управлением, расположенным в городе Хёхст, в этом учреждении, вместе с его специальными отделами, было две с половиной тысячи служащих. К 1949 г. удалось сократить количество служащих до 1647 человек.

Каталог уместных цен и программа широкого потребления

Попытки Хозяйственного управления стабилизировать цены нашли свое отражение в периодической публикации каталога уместных цен. Этот каталог, выработанный совместно с торгово-промышленными кругами и профсоюзами, должен был определять, какие цены, при правильной калькуляции, должны были почитаться уместными для отдельных предметов потребления. Первый каталог цен, опубликованный 11 сентября 1948 г., указывает, в частности, цену мужских полуботинок в размере от 24.50 до 30.00 нем. марок. В это же время вступила в действие и «программа широкого потребления», в процессе которой, к примеру, в августе 1948 г. было произведено 700.000 пар обуви по особо точно исчисленным ценам.

Наконец, нужно упомянуть «закон против произвольного завышения цен», который вошел в силу 7 октября 1948 г. и до сих пор является объектом оживленных споров в парламенте. Но если утверждать, что этот закон был одной из подлинных причин, приведших к наступившему впоследствии изменению цен, то это едва ли соответствует действительности, а скорее даже прямо противоречит ей.

Этот счастливый поворот наступил благодаря достигнутому экономическому равновесию. Ему способствовало и то, что с конца 1948 г. на мировом рынке наметилась тенденция к падению цен. Значение имело также то,

что благодаря помощи по плану Маршалла значительно улучшилось снабжение сырьем. И, действительно, с начала 1949 г. сырье и машины стали усиленно поступать на предприятия. В то время, как, например, за первое полугодие 1948 г. стоимость коммерческих и некоммерческих импортных товаров достигла уровня 1,2 млрд нем. марок, в те же месяцы 1949 г. стоимость этих товаров повысилась уже до 3 миллиардов немецких марок. Все эти факторы значительно способствовали успеху всего начинания. Таким образом, первый период восстановления немецкого хозяйства прошел под знаком уже упомянутой бурной неразберихи в области цен и одновременно значительного повышения ставок реальной заработной платы и огромного роста производства.

Быстрый рост производства после денежной реформы

(1936 = 100)	2-й квартал 1948 г.	4-й квартал 1948 г.
Вся промышленность (без строительства)	52,1	75,4
Промышленные товары	46,4	68,3
Средства производства	46,6	75,7
Товары ширпотреба	43,4	66,6
Пищевая и пищевкусовая промышленность	55,0	78,8

И с т о ч н и к : Федеральное статистическое бюро.

Такое корректирование цен в сторону достижения равновесия на изменившемся номинальном уровне оказалось нужным и было даже неизбежно. Расхождение же («ножницы») между ценами и покупательной способностью потребителей стало, наоборот, все сильнее сокращаться в пользу потребителей. В течение нескольких недель картина резко изменилась. Потребитель уже не соглашался платить любую цену; увеличивалось количество заказов, отмененных из-за недостатка денег. В газетах появлялись заголовки вроде «Тревожные сигналы в секторе товаров ширпотреба» и т.п.; при этом было характерно, что пессимистические прогнозы склонны были теперь обернуться в противоположном направлении.

Второй период

В первый период после денежной реформы многие думали, что рост цен будет продолжаться. Затем с такой же страстностью высказывались опасения, что наступит падение цен, которое лишит экономику возможности покрывать свои расходы. Падение цен, которое наблюдалось до начала корейского кризиса, во всяком случае ясно показало потребителю несомненное преимуще-

ство рыночного хозяйства по сравнению со всеми формами государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Это сознание было бы, конечно, еще более сильным, если бы «средний человек» имел возможность провести сравнение цен в Германии с ценами в других странах. В то время, когда в Западной Германии цены понижались, в других странах наблюдалось значительное повышение цен:

Стоимость жизни (1950 = 100)

	1949	1950
ГДР	107	100
Франция	90	100
Австралия	91	100
Нидерланды	92	100
Великобритания	97	100
Канада	97	100
США	99	100
Италия	101	100
Швеция	101	100

И с т о ч н и к : Федеральное статистическое бюро.

Примечательно для этого периода общей стабилизации цен то, что к середине 1950 г. большинство наиважнейших показателей вернулись к исходному уровню середины 1948 г. Индекс стоимости жизни для рабочей семьи, состоящей из четырех человек, в последнем квартале 1948 г. был равен 166, средний годовой индекс за 1949 г. снизился до 160, а в июле 1950 г. упал до 149. Показательное впечатление, вызванное снижением цен, было тем более убедительным, что за тот же отрезок времени зарплата повысилась.

Правда, этот процесс начался уже во втором полугодии 1948 г., но именно 1949 г. представляется в особо сильной мере периодом решительного повышения реальной заработной платы. Но, в отличие от последующих периодов, когда заработная плата начала усиленно расти, для 1949 г. характерно сочетание повышения номинальной заработной платы с понижением цен, что влекло за собой решительное улучшение реальной заработной платы. Именно в этом проявляется особенность этого второго периода после валютной реформы середины 1948 г.

Часовая заработная плата промышленных рабочих-мужчин возросла с 1,22 нем. марки в декабре 1948 г. до 1,33 нем. марки в декабре последующего года. В июне 1950 г. она была равна 1,36 марки. За тот же период индекс стоимости жизни (при индексе 100 за 1938 г. для территории Федеративной республики по потребительской схеме 1949 г.) упал со 168 в январе 1949 г.

до 151 в июне 1950 г. Таким образом, реальная зарплата промышленных рабочих (то есть соотношение между недельным заработком – брутто и индексом стоимости жизни) возросла в 1949 г. на 20,5%.

Эти противоположные тенденции зарплаты и цен подчеркивали самую сущность социального рыночного хозяйства. В то время я постоянно указывал общественности на это развитие, желая разъяснить здесь на конкретных жизненных примерах внутренние законы рыночного хозяйства, оптимальным или идеальным выражением которого является увеличение заработка при понижающихся ценах.

Но и этот период не был вполне свободен от трудностей. Кратко были уже отмечены факторы, определявшие собой это развитие: приспособление уровня цен к наличной покупательной способности потребителей при одновременном увеличении производства товаров, однако одновременное сдерживание конъюнктуры при помощи излишков казначейства; затем – тормозящее влияние распространявшегося в США спада, а также необходимость приспособиться в связи с тем, что с осени 1948 г. началась либерализация и усиление ввоза.

Эти силы, которые, правда, были пущены в ход сознательно, привели к тому, что впервые за полтора десятилетия на внутригерманском рынке стало снова заметно ощущаться давление международной конкуренции. В этот столь значительный послереформенный период развития промышленность впервые была вынуждена пересмотреть свои производственные планы. Эти планы возникли в изоляции от других стран и носили на себе еще слишком явные следы идеологии автаркии – промышленность должна была снова обратить свое внимание также и на возможности сбыта.

«Король–покупатель»

Давление понижающихся цен привело к явлению, знакомому немецким потребителям лишь из воспоминаний далекого прошлого. Покупатель снова стал «королем», у нас появился рынок, лицо которого определял покупатель. Но насколько неумелыми, неловкими были первые попытки покупателя в этой новой обстановке, которую внезапно создала немецкая экономическая политика! Потребитель стал сдержанным, ибо он, естественно, ожидал, что, быть может, завтра или послезавтра он сможет закупить еще дешевле. Покупатель снова научился старательно взвешивать любую покупку. Эта новая установка потребителя была совершенно необходима для нашего дальнейшего хозяйственного развития. Без этой суровой школы нам было бы трудно изгнать из сознания людей столь крепко укоренившуюся психологию «рынка продавцов», для которой стали совершенно чуждыми понятия, характерные для свободного рыночного хозяйства.

Этот заново возникший «рынок покупателей» вызвал, естественно, определенные последствия. Заметна была несомненная сдержанность в готовности к капиталовложениям, целью которых было лишь расширение производственной мощности предприятий. Мышление предпринимателей проделало эволюцию в том смысле, что оно определялось уже не только соображениями производственной экономики: на первое место стали выдвигаться соображения, связанные с требованиями рынка. Главную роль начали играть капиталовложения, направленные на рационализацию производства. Многие представления, которые почитались нерушимыми в эпоху «рынка продавцов», оказались теперь неверными и необоснованными.

Статистика роста производительности ясно отражает этот период. С декабря 1948 г. по июнь 1950 г. в Западной Германии производительность рабочего часа возросла с 70,3 до 89,0 процентов (по отношению к 1936 г.). Особенно основательная рационализация проводилась, главным образом, в тех отраслях хозяйства, где давление конкуренции становилось особенно ощутимым. Если сравнить, к примеру, результаты роста производительности труда в первом и втором полугодии 1949 г., то за этот короткий промежуток времени можно отметить повышение в текстильной промышленности с 82,2 до 95,7, в обувной промышленности с 69,0 до 75,8 и в строительстве транспортных средств с 49,1 до 65,7 процентов. Показательно, что угольная промышленность, которая в то время еще целиком оставалась вне рыночного хозяйства, могла показать улучшение производительности лишь с 61,5 до 62,5% (100 – показатель производительности одного рабочего часа в 1936 г. Источник: Федеральное статистическое бюро).

Едва ли нужно еще указать на то, что только благодаря этим большим успехам в деле рационализации оказалось возможным провести упомянутое повышение заработной платы, не подвергая опасности устойчивость цен.

Наследие обманчивой всеобщей занятости

В связи с этим необходимым развитием безработица неизбежно вылилась в очень серьезную проблему. Это последствие, конечно, очень малоотрадное, зачастую стало служить поводом для того, чтобы проклясть новую экономическую политику.

Однако такая реакция в то же время весьма показательна для недостатка терпения, проявляемого многими людьми по отношению к развитию, которое по необходимости должно быть длительным. Я постоянно подчеркивал, что обеспечением простой фактической занятости немецкому рабочему и всему немецкому народу в целом еще не будет оказано настоящей услуги. Для обеспечения существования народа нужно было создать верные, постоянные, то есть рациональные места работы.

Безработица того времени выросла из призрачной всеобщей занятости, наблюдавшейся перед денежной реформой, и к концу 1948 г. достигла цифры в 760.000 человек. Безработица продолжала расти в течение всего 1949 г. и увеличивалась даже в летние месяцы. Число безработных росло из месяца в месяц – с 960.000 в январе до 1,56 миллионов к концу года. Какое это было трудное время для деятеля экономической политики, обремененного ответственностью! И, как всегда, снова стали предсказывать крушение моей экономической политики.

Рост количества безработных не был бы так велик, если бы не появлялись все новые рабочие руки, особенно из потока беженцев, которые требовали работы. В пылу полемики мои критики забывали, – скорее всего по соображениям партийной политики, – что сами они перед валютной реформой уверенно предсказывали возникновение армии безработных в размере от 4 до 5 миллионов человек. А после денежной реформы они нападали на меня за количество безработных – несравненно меньшее их собственных прогнозов.

Безработица была почти исключительно результатом притока новых рабочих рук. Лучше всего это видно из статистики работающих, которая с конца 1948 г. по конец 1949 г. отметила сокращение лишь в размере 150.000. В то же время высшая «точка» безработицы, обусловленная «мертвым» сезоном, в феврале 1950 г. показала на 1,2 миллиона больше безработных, чем в конце 1948 г. В глазах специалистов этот огромный приток рабочих рук был свидетельством, несомненно, скорее в пользу свободной экономической системы, чем против нее. А именно этот приток доказывал, какому множеству жителей в Западной Германии работа снова казалась стоящей, хотя, конечно, и необходимой.

К тому же времени относится и другое чреватое последствиями мероприятие, которое по своему значению, пожалуй, не уступает реформам середины 1948 г. Это был переход к совершенно иной политики во внешней торговле; эта политика сознательно вела немецкую экономику к соприкосновению с международной конкуренцией. Для того, чтобы картина была полной, нужно напомнить в этой связи и о проведенном снижении стоимости немецкой марки. 19 сентября 1949 г. была проведена девальвация на 20%, и одновременно был установлен новый паритет по отношению к доллару – 4,20 НМ (вместо 3,33). Это снижение ценности марки нашло свое отражение в развитии внешней торговли.

В заключение необходимо подчеркнуть то особенно значительное обстоятельство, что Федеративная Республика проявила мужество – в процессе начавшегося вслед за Великобританией снижения ценности почти всех европейских валют – провести меньшее снижение, чем Великобритания и Франция, и принять на себя, таким образом, отрицательные последствия в предстоящей экономической конкуренции.

Как решительно изменилось положение за те пятнадцать месяцев, которые прошли с момента, когда первое федеральное правительство приняло бразды правления! С октября 1949 г. до декабря 1950 г. нам удалось утроить экспорт.

Внешняя торговля и девальвация НМ

Средние и месяц	Вывоз		Ввоз	
	НМ	доллары	НМ	доллары
1949 1–3 квартал	326,4	93,2	579,8	177,9
1949 4 квартал	399,3	94,6	875,8	211,7
1950 1 квартал	502,3	118,8	832,3	197,9
2 квартал	596,3	140,6	737,8	175,5
3 квартал	727,3	171,3	939,7	223,3
4 квартал	963,5	229,4	1280,5	304,4

И с т о ч н и к : Отчет федерального правительства по плану Маршалла за 1949–1951 гг.

Однако, как и следовало ожидать, либерализация внешней торговли привела к столь сильному росту импорта, что, несмотря на увеличение экспорта, баланс внешней торговли оказался пассивным. При этом ввозимые товары предназначались не только для удовлетворения растущего потребления, – они были также необходимы в качестве сырья для изготовления продуктов, которые впоследствии можно было бы снова экспортировать. Этот процесс требовал времени и – крепких нервов. К затруднениям, связанным с безработицей, присоединились, таким образом, заботы, вызванные пассивным балансом нашей внешней торговли. Чисто коммерческая (в узком смысле слова) внешняя торговля в 1949 г. закончилась пассивным сальдо в размере 158 миллионов долларов, а в 1950 г. в размере 243 миллионов долларов; общий же внешне-торговый баланс показал пассив: в 1949 г. – 1,114 миллиардов долларов, а в 1950 году – 0,723 миллиарда долларов.

Усиленное предоставление кредитов – универсальное средство от всех бед?

При таком положении вещей министр хозяйства не мог дольше оставаться бездеятельным наблюдателем. Мой диагноз был – внутреннее хозяйство стеснено и испытывает затруднения, наличные средства производства не использованы оптимальным образом. Правда, индекс промышленной продукции возрос с 75,2 в декабре 1948 г. до 96,1 в декабре 1949 г. (1936 = 100). Принимая во внимание безработицу, можно было думать, что положение внутреннего

хозяйства требовало широкого размаха кредитной политики, которой должны были сопутствовать другие мероприятия, направленные на расширение производства. Действительно, повсюду раздавалась критика моей экономической политики, якобы направленной на борьбу с обесценением денег, все требовали расширения кредитов. Но при этом обнаружилось с предельной ясностью, что эти критики все меньше думали о сохранении стабильности валюты.

Скоро, таким образом, возник единый хор критиков, который охватывал круги начиная от политической оппозиции и кончая западными союзниками, которые в бесчисленных меморандумах также пытались показать преимущество полной занятости перед сохранением стабильности нашей валюты. Этот спор возник в середине декабря 1949 г. и продолжался несколько недель. Поводом для этого спора послужил меморандум федерального правительства, в котором намечались основы дальнейшего развития плана Маршалла.

Сторонники английского тезиса о полной занятости, основанного на идеологии национализированного хозяйства, и приверженцы «дешевых денег» и «политики лишений» заключили неожиданный союз с американскими чиновниками Верховной Комиссии, которые, будучи встревожены тем, что импорт значительно превышал экспорт, озабоченно задумывались о приближавшемся конце помощи по плану Маршалла. Таким образом, почти все силы пошли в атаку на немецкое рыночное хозяйство. При этом они забывали, что мы можем достаточным образом укрепить наше положение на мировом рынке только при условии повышения производительности и путем свободной конкуренции при одновременном обеспечении стабильности валюты. Только при таких условиях могли быть созданы основы для обеспечения снабжения значительно возросшего населения Западной Германии.

Я решительно выступил против принудительного и искусственного расширения объема производства. При этом я должен был примириться с тем, что меня будут обвинять в бездействии – это было тем более забавно, что до сих пор меня постоянно упрекали в чрезмерной активности. Однако для меня не могло быть сомнения в том, что легкомысленная политика роста производства в дальнейшем поставила бы под угрозу не только завоеванную нами устойчивость валюты, но и возможность выравнить наш платежный баланс. Мы, таким образом, поступили бы нечестно уже в самом начале того пути, который должен был привести нас к цели – стать честным партнером в мировой торговле. Учитывая всю жизненную важность нашей внешней торговли, нужно было во что бы то ни стало предотвратить такую беду.

Из моих речей того времени явствует, в какой сильной мере я сознательно стремился ориентировать нашу экономику на экспорт. Это было время перед корейским конфликтом. Как один из многочисленных примеров я приведу то, что мною было сказано на годовом собрании Союза немецких судовых верфей 20 сентября 1950 г.:

«Политика внешней торговли, которой мы следуем примерно уже три четверти года, невзирая на частую критику и различные опасения, руководствуется убеждением, что мы не можем выполнить стоящую перед нами народнохозяйственную задачу – иными словами, не можем обеспечить работой и снабжением население, которое по сравнению с довоенным временем возросло на 12 миллионов, но задохнемся в нашем узком пространстве, если мы не обеспечим себя воздухом за счет внешней торговли...»

Мы особенно не имеем права добиваться мнимых успехов таким способом, чтобы через растущее обесценение нашей валюты, которую тем временем нам удалось снова укрепить, выйти на путь инфляционных тенденций: это означало бы еще раз незаметным образом опорожнить карманы вкладчиков и лишить их честно ими заработанных денег. Это был бы, действительно, наиболее омерзительный метод, который можно себе представить».

Оставляя без внимания все несерьезные советы, мы старательно дозировали активность западногерманской экономической политики, чтобы ограничить вред массовой безработицы, не подвергая опасности достигнутые успехи, в особенности обеспечение внутренней ценности нашей валюты и ставшее благодаря ему возможным возвращение Германии на мировой рынок. В эти трудные дни необходимо было сохранять мужество и не делать всего того, что рекомендовали мне подлинные и мнимые друзья. Мне приходилось даже прибегать к «военным хитростям», чтобы противостоять слишком сильному политическому давлению, требовавшему применения опасных и бьющих далеко мимо цели мероприятий.

Средства против спада

Я стремился не уклоняться, таким образом, от того узкого пути, который ведет между дефляцией и инфляцией. Перечень тех случаев, когда министерство народного хозяйства и эмиссионный банк оказывали действенную поддержку предприятиям, показывает, что современное рыночное хозяйство вполне способно действенно противостоять тенденциям спада, не подвергая опасности стабильность валюты.

Мероприятия, которые мы тогда проводили и которые были вызваны политико-экономическим положением страны, были, таким образом, старательно продуманы. В конце марта 1949 г. Банк немецких земель (государственный банк) отказался от суровой кредитной политики, согласно которой кредиты могли предоставляться только в том же размере, что и в конце октября 1948 г. С 11 июня 1949 г. обязательный минимум финансовых резервов был снижен с 15 до 12%, или соответственно с 10 до 9%. 27 мая 1949 г. последовало снижение ставки учетного процента на 1/2% и затем 14 июля того же года еще на 1/2%, то есть всего с 5 на 4%. В конце лета 1949 г. банкам была предоставлена специальная дотация в размере 300 миллионов немецких

марок; эта сумма должна была быть использована для предоставления долгосрочных кредитов промышленным предприятиям.

1 сентября было повторно проведено снижение обязательного минимума финансовых резервов, а также снижение ставок по срочным и бессрочным вкладам. Зимой, под влиянием массовой безработицы, мы принуждены были пойти еще дальше в направлении политики расширения производства. Была обещана помощь для финансирования программы по изысканию новых возможностей для применения рабочей силы, а также финансовое вспоможествование жилищному строительству. В итоге на эту особую акцию было предоставлено все же 3,4 миллиарда немецких марок. Краткосрочные кредиты, которые в конце 1948 г. достигли 4,7 миллиарда марок, возросли в 1949 г. до 5,1 миллиарда марок и увеличились в первом полугодии 1950 г. еще на 2,3 миллиарда. Размер сумм, которые банки могли предоставить в качестве средне- и долгосрочных кредитов, включая и ссуды Кредитного установления содействия восстановлению, достиг к концу 1949 г., 2,6 миллиарда; за первое полугодие 1950 г. эта сумма увеличилась еще на 2 миллиарда.

В апреле 1950 г. федеральное правительство приняло решение провести снижение налогов и допустить возвратную выплату уже уплаченных по завышенным налоговым ставкам сумм. Это была одна из мер, которые должны были способствовать усилению потребления и облегчению экономических затруднений.

Отметим одно противоречие: в «войне меморандумов» западные союзники критиковали немецкую бездейственность, однако на проведение реформы налоговой системы они первоначально отказались дать свое разрешение. В этой связи уместно вспомнить, сколько энергии было потрачено на споры с союзниками – независимо от того, шла ли речь о размере производства стали, или о разумной политике демонтажа и разукрупнения предприятий, или об использовании так называемых компенсационных средств, или о наиболее целесообразных методах по ликвидации нехватки долларов, или, наконец, о том, как проводить дальнейшую ликвидацию направляемого хозяйства. Едва ли нужно еще указывать на то, что эта фаза в развитии «рынка покупателей» пришлась мне весьма кстати, – я смог ликвидировать ставшие нереальными остатки мероприятий и предписаний, касающихся направляемого хозяйства и регулирования цен.

Оценивая положение за истекший год, я заявил в выступлении по Баварскому радио 27 декабря 1949 г.:

«Отходящий в прошлое 1949 г. прошел под знаком укреплявшегося хозяйства, которое, однако, одновременно еще набирало силы и расширялось. Я поручился, и именно в истекшем году, что таким путем нам удастся успешно справиться также и с социальной проблемой. И никто не сможет сейчас отрицать, что реальная покупательная способность, а следовательно, и жизненный уровень немецкого народа не переставали улучшаться, и что это было

достигнуто частично благодаря увеличению номинальных доходов, но главным образом путем постоянного улучшения качества предлагаемых товаров при одновременном снижении цен».

В корейском конфликте не было нужды...

Ликвидацию тех трудностей, которые мы преодолевали путем осторожного взвешивания применяемых мер, нельзя приписать исключительно вызванному событиями в Корее бурному оживлению. Утверждать противное означало бы извращать исторические факты. Неуступчивость по отношению ко всем требованиям отказаться от борьбы за устойчивость валюты уже до этого дала положительные результаты. Индекс производства поднялся с 90,9 в январе 1950 г. до 107,6 в июне того же года, причем это почти двадцати-процентное увеличение было гораздо более значительным, чем соответственное повышение в те же месяцы предыдущего года.

В самой Германии продолжалось снижение цен и соответственно этому расширялся рынок покупателей, что делало экспорт вдвойне привлекательным. Экспорт в соответствии с этим вырос с 485,5 миллионов немецких марок в декабре 1949 г. до 651,9 миллионов в июне 1950 г. За эти шесть месяцев превышение импорта над экспортом сократилось с 532,7 миллионов в январе 1950 г. до всего лишь 138,6 миллионов марок в июне того же года. За это полугодие число безработных сократилось на 360.000 человек; число работающих увеличилось еще сильнее.

Сегодня мы располагаем всеми статистическими данными и знаем: для дальнейшего подъема германской экономики или для того, чтобы темпы этого подъема были ускорены – для этого в корейском конфликте не было нужды. Правильнее будет противоположная оценка – «бум» корейского конфликта принес германской экономической политике больше трудностей, чем полезных стимулов.

Достаточно представить себе, сколь благоприятный для потребителя период оказался прерванным: в сентябре 1950 г., т.е. к тому времени, когда стало сказываться связанное с корейскими событиями повышение цен, индекс цен на жизненно необходимые товары значительно снизился – с 168 в январе 1949 г. до 148, в то время как ставки зарплаты сохраняли тенденцию к повышению (1938 г. равен 100). К тому моменту, когда в связи с началом корейского конфликта мир был охвачен чувством страха, самым сильным за весь период после 1939 г., германская экономика как раз успела создать предпосылки для своего дальнейшего развития. Здоровое и естественное развитие было, таким образом, самым чувствительным образом нарушено.